

Посвящается светлой памяти Дмитрия Евгеньевича СОРОКИНА, доктора экономических наук, члена-корреспондента РАН, профессора Финансового университета.

DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-4-245-266
УДК 330.80(045)
JEL B59, B41, A10

Векторы, этапы и проблемы формирования неортодоксальных оснований экономической науки

Я.С. Ядгаров, Д.Р. Орлова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена перманентно сопровождающей эволюцию экономической науки острой научно-практической дискуссией, направленной на получение исчерпывающих ответов на такие вопросы, как: что такое ортодоксия в экономической науке? почему теоретико-методологическую ортодоксию, сопровождающую возникновение и смену альтернативных направлений мировой экономической мысли, не удается преодолеть не только в прошлом, но и в настоящее время? в чем состоит историческое значение ретроспективного анализа векторов, этапов и проблем формирования неортодоксальных оснований в развитии этой отрасли человеческих знаний? и другие. Предметом исследования явились изыскания видных отечественных и зарубежных ученых-экономистов современности, позволяющие раскрыть и осмыслить многообразные методологические и теоретические составляющие ортодоксии в прошлом и настоящем. Цель исследования — рассмотреть, систематизировать и обобщить обнаруженные в сочинениях видных исследователей современности доказательные предостережения о настоятельной необходимости преодоления учеными-экономистами негативных последствий ортодоксальных сентенций, которые, абсолютизируясь со времен «отцов политической экономии», продолжают свое проявление и поныне. Ключевыми **методами исследования** явились системный, эволюционный и межотраслевой анализ. Результаты обзора вбирают в себя умозаключения и доказательства, позволяющие непредвзято осмыслить ключевые для судеб этой науки в прошлом и настоящем научно-практические проблемы. В частности, аргументировано авторское положение о том, что все еще встречающиеся в отечественной экономической литературе примеры постулирования суждений о наличии и сосуществовании «западной-незападной», «буржуазной-небуржуазной» экономической науки базируются исключительно на классово-формационном исследовательском подходе и потому совершенно несостоятельны. Доказано, что сопровождающая развитие экономической науки сложившаяся палитра ортодоксальных теоретико-методологических новаций сначала ее «прародителей» и «отцов», т.е. адептов меркантилизма и классической политической экономии, затем — современных ученых-экономистов (от институционалистов до кейнсианцев и неоллибералов) явно либо неявно наряду с приверженностью классовому аналитическому подходу обусловлена неким подтекстом абсолютизации «объективных экономических законов».

Ключевые слова: неортодоксальные основания экономической науки; основные направления экономической мысли; классовый аналитический инструментарий; системный анализ; межотраслевой подход

Для цитирования: Ядгаров Я.С., Орлова Д.Р. Векторы, этапы и проблемы формирования неортодоксальных оснований экономической науки. *Финансы: теория и практика*. 2022;26(4):245-266. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-4-245-266

REVIEW ARTICLE

This article is dedicated to memory D. E. SOROKIN, Dr. of Economic Sciences, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Financial University.

Vectors, Stages and Problems of Nonorthodox Foundations of Economic Science Formation

Ya.S. Yadgarov, D.R. Orlova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the study is underpinned by continuing sharp scientific and practical discussion on the evolution of economic science aimed at obtaining exhaustive answers to such questions as: "What is orthodoxy in economic science? Why is it that the theoretical and methodological orthodoxy that accompanies the emergence and transformation of

alternative directions of world economic thought cannot be overcome not only in the past but also at the present time? What is the historical significance of a retrospective analysis of vectors, stages and problems of the formation of unorthodox foundations in the development of this branch of human knowledge? and others. The findings of prominent Russian and foreign scientists-economists, allowing to reveal and comprehend the diverse methodological and theoretical components of orthodoxy in the past and present set **the subject** of this review article. **The purpose of the study** is to consider, systematize and generalize the evidentiary warnings published in the works of prominent modern researchers about the urgent need to overcome the negative consequences of orthodox maxims, which, having been absolutized since the time of the “fathers of political economy”, continue to manifest themselves to this day. **The key research methods** include systematic approach, evolutionary and cross-industry analysis. **The results of the review** incorporate conclusions and evidence that make it possible to unbiasedly comprehend the key scientific and practical problems for the fate of this science in the past and present. In particular, the author’s position is argued that the examples of postulating judgments about the presence and coexistence of “Western-non-Western”, “bourgeois-non-bourgeois” economic science, which are still found in Russian economic literature, are based solely on the class-formational research approach and therefore are completely untenable. It has been proved that from its “ancestors” and “fathers” of economics, i.e. adherents mercantilism and classical political economy principles to modern economists (from institutionalists to Keynesians and neoliberals) the existing palette of orthodox theoretical and methodological innovations accompanying the development of economic science explicitly or implicitly along with its commitment to the class analytical approach are due to a certain subtext of the absolutization of “objective economic laws”.

Keywords: unorthodox foundations of economics; the main directions of economic thought; class analytical tools; system analysis; intersectoral approach

For citation: Yadgarov Ya.S., Orlova D.R. Vectors, stages and problems of nonorthodox foundations of economic science formation. *Finance: Theory and Practice*. 2022;26(4):245-266. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-4-245-266

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной работы — посредством инструментария системного анализа и комплексного историко-экономического исследования представить сообществу ученых-экономистов, широкой читательской аудитории обзор сущностных аспектов многообразных теоретико-методологических составляющих ортодоксии, перманентно сопровождающей эволюцию экономической науки, и предложить базирующееся на новациях современных исследователей авторское концептуальное видение векторов, этапов и проблем процесса формирования неортодоксальных оснований в ее развитии.

Для реализации этой исследовательской цели и достижения логически последовательного осмысления проблематики возникновения и преодоления ортодоксии в экономической науке в статье дано авторское определение термина «ортодоксия». Предложены также авторский концепт уровней систематизации экономических идей и воззрений (рис. 1) и авторская классификация эпох, периодов и направлений в развитии мировой экономической мысли (рис. 2).

Термин «ортодоксия» (от греч. orthos — прямой, правильный и doxa — мнение) сформулирован в работе, исходя из того, что это понятие, будучи некогда одним из сугубо религиозных априорных аксиоматических, ныне являет собой межотраслевое — выходящее за рамки науки — априорное аксиоматическое суждение. В связи с этим, как прежде, так и сейчас, суть «орто-

доксии» сводится к априорному «правильному» мнению, понятию и категории либо к априорной «правильной» системе взглядов и учений, которые образуют универсальную оценочную шкалу знаний и систему неопровергаемых (догматических) убеждений. По этой причине понятия, взгляды и учения, которые в содержательном плане вбирает в себя термин «ортодоксия» в силу их введения в оборот авторитетной личностью, представляющей соответствующую сферу религиозной, государственной, философской, научной общественной жизни, должны восприниматься как данность, имеющая для всех исследователей фиксированный и обязательный для понимания и использования характер.

Феномен сложившейся в экономической науке палитры теоретико-методологической ортодоксии рассматривается в статье через призму изучения экономических идей и воззрений и их систематизации многими поколениями исследователей по различным уровням (рис. 1).

Начало ортодоксии увязывается с первыми в истории мировой экономической мысли политико-экономическими исследовательскими парадигмами, как-то: меркантилизм и классическая политическая экономия (рис. 2).

Адресуя выполненный обзорный материал, прежде всего и главным образом, научному экономическому сообществу современной России, следует отметить, что в качестве исходного исследовательского посыла в работе принята во внимание

Рис. 1 / Fig. 1. Уровни систематизации экономических идей и воззрений / Economic ideas and vision statements classification

Источник / Source: Ядгаров Я.С. История экономических учений. 5-е изд. М.: ИНФРА-М; 2020. С. 15 / Yadgarov Ya. Epy History of Economic Thought. Moscow: INFRA-M; 2020. P. 15.

самобытность российской экономической науки и хозяйственной жизни [1, 2].

Такой подход позволяет характеризовать многовековую российскую историю как особенную цивилизацию и державу в мировом сообществе, переживающую научно-практические реалии перехода от ортодоксальных сентенций формационной модели недавнего советского прошлого к цивилизационной. Свершение перехода России к ценностям цивилизационной модели позволит преодолеть ортодоксальное осмысление эволюции как однолинейного процесса, способного описывать «лишь завтрашний день для менее развитых», и сделает возможным вести речь об отказе «от монополии на истину, о признании естественного и закономерного многообразия различных взглядов и подходов» [3, с. 5, 6].

Однако, к сожалению, необходимо признать, что на всем протяжении вот уже трех десятиле-

тий постсоветского периода в духе более чем семи десятилетий советского времени структуру и особенно содержание изданий научной и, в том числе, историко-экономической литературы весьма нередко сопровождают явные совершенно недвусмысленные антирыночные классово-формационные штампы ортодоксии [4, с. 3; 5–8]. В частности, в процессе вузовского обучения и формирования личных профессиональных компетенций постсоветскому экономисту настоятельно рекомендуется знать, что ныне в России, как и в других современных странах, имеет место «капиталистический путь развития»¹, помнить, что «в узком смысле экономическая история из-

¹ Конотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики. Учебник для вузов. М.: Академический Проект; 1999. С. 76, 77 / Konotopov M., Smetanin S. The History of Economics. Moscow: Academic Prospect; 1999. P. 76, 77.

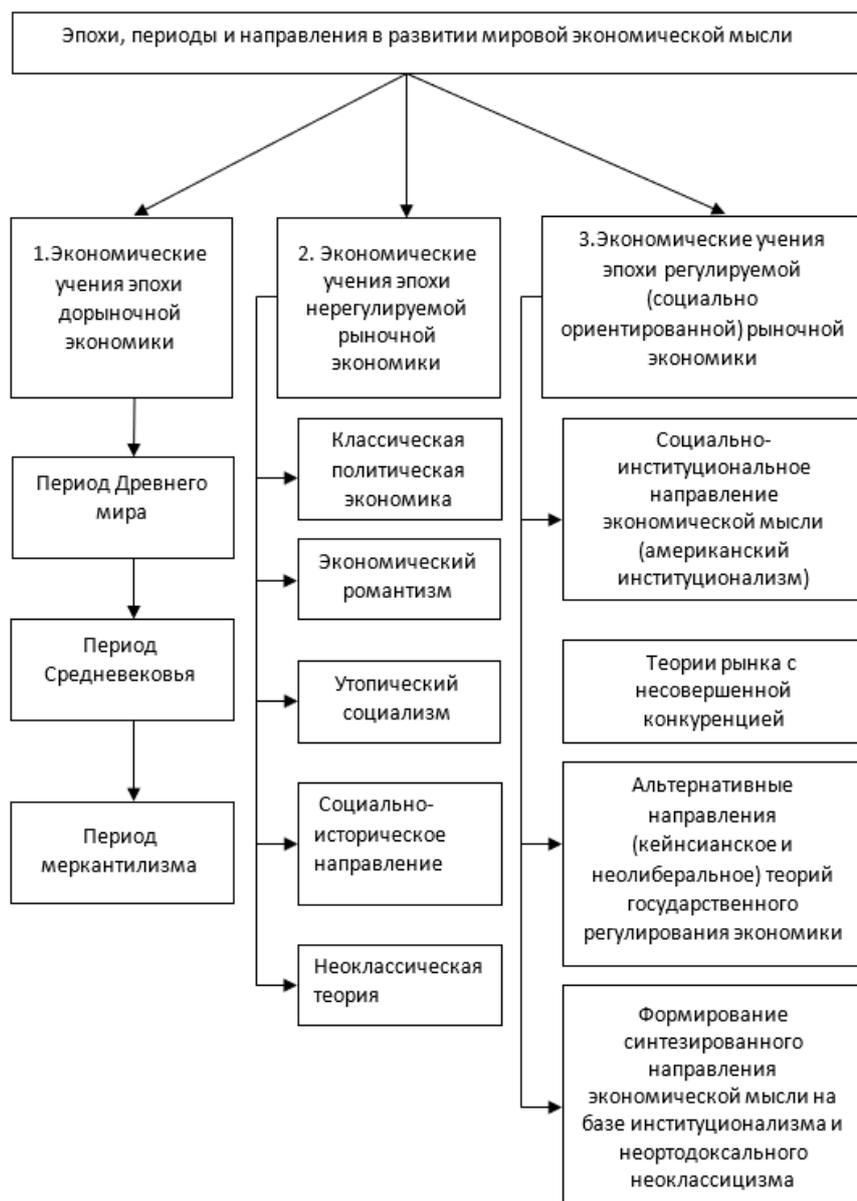

Рис. 2 / Fig. 2. Периодизация развития мировой экономической мысли / World economic thought development periodization

Источник / Source: Ядгаров Я.С. История экономических учений. 5-е изд. М.: ИНФРА-М; 2020. С. 16 / Yadgarov Ya. Epy History of Economic Thought. Moscow: INFRA-M; 2020. P. 16.

учает хозяйственную деятельность ...классов»². Кроме того, ему надлежит также понимать, что «капиталистическая эволюция» в начале XX в., обусловив «завершение процесса монополистического капитализма»³, сохранила классово-антагонистическую структуру общества, что всякий «класс социальный» — это «большая группа людей,

отличающаяся от другой группы по величине богатства и уровню дохода»⁴ и т.д.

Приведенные априорные догматические и одиозные напутствия «классово-формационной» направленности свидетельствуют о том, что постсоветская отечественная экономическая наука все еще не прошла путь нетенденциозного и де-

² Ковнир В.Н. История экономики России. Учебное пособие. М.: Логос; 2005. С. 17 / Kovnir V. The History of the Russian Economy. Moscow: Logos; 2005. P. 17.

³ Там же. С. 274, 275 / Ibid. P. 274, 275.

⁴ Орехов А.М. Методы экономических исследований. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М; 2009. С. 361 / Orekhov A. Methods of economic research. Moscow: INFRA-M; 2009. P. 361.

идеологизированного осмысления состоявшихся свершений в мировой хозяйственной жизни и тех ценностей научно-практического наследия, которые ассоциируются с творчеством лучших представителей в истории мировой и российской экономической мысли. Более того, именно ортодоксия, исторически охватившая наряду с мировым научным экономическим сообществом и российское, обуславливает небезосновательное в прошлом и настоящем недоверие к общеизвестным теоретико-методологическим новациям тех первооткрывателей, кого принято именовать основоположниками основных направлений, течений и теоретических школ на различных этапах развития экономической науки.

Перманентно проявляющие себя особенности новаций лидеров экономической науки в течение XIX, XX и первых десятилетий XXI вв. рассматриваются в статье в контексте важнейших периодов разномыслия и попыток преодолеть ортодоксию меркантилистов и «классиков» последующими после них поколениями их оппонентов. Таковым в первой половине и середине XIX в. явился, например, постмануфактурный период, ассоциирующийся с экономическим романтизмом, утопическим социализмом и немецкой исторической школой. Далее последовали периоды маргиналистской, чемберлианской, кейнсианской революций, которые обусловили новации субъективизма, раннего неоклассицизма, институционализма (соответственно с 70-х — 90-х гг. XIX в. и 20-х — 30-х гг. XX в.). А затем пришло время кейнсианских и неолиберальных нововведений (с 30-х гг. XX столетия по настоящее время), в течение которых продолжились и продолжают поныне попытки преодоления ортодоксии в экономической науке, формирования неортодоксальных оснований в ее развитии.

Особое внимание предполагается уделить в работе обзору каждого из указанных периодов (и направлений) и связанных с ними этапов, векторов и, соответственно, присущих им проблем на пути, так сказать, «окончательного» преодоления в экономической науке сентенций ортодоксии и формирования «подлинно научной» синтезированной неортодоксальной исследовательской парадигмы. При этом основополагающим результирующим итогом в каждом из разделов выполненного обзора должно явиться аргументированное обоснование авторских обобщающих и резюмирующих выводов. Их суть вкратце сводится, с одной стороны, к тому, что в прошлом и особенно в настоящем формирование неортодоксальных оснований экономической науки все более и более проявля-

ется в контексте перманентного процесса синтеза (взаимопроникновения) некогда противоположных концептуальных положений, доктрин и теорий. Но, с другой стороны, к тому, что этот процесс все еще сдерживают, во-первых, явная либо неявная приверженность выходящему за рамки науки «классовому анализу» и абсолютизация «объективных экономических законов» и потому неприятие межотраслевого, эволюционного и системного методов анализа. И, во-вторых, сдерживающим преодолению ортодоксии фактором выступает также тенденциозная математизация, намеренная чрезмерная математическая формализация аналитического, методологического и теоретического инструментария.

Таким образом, выполнение данного изыскания, посвященного обзорному осмыслению предыстории и истории возникновения и преодоления ортодоксии в экономической науке и выявлению векторов, этапов и проблем формирования ее неортодоксальных оснований, настоятельно необходимо и имеет насущный и актуальный научно-практический характер.

1. НАЧАЛО ОРТОДОКСИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ В ПЕРИОДЫ МЕРКАНТИЛИЗМА И КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Экономическая наука — одна из молодых отраслей человеческих знаний. Она зародилась после довольно длительного промежутка времени исторического господства натурально-хозяйственной идеологии времен Древнего мира и Средневековья, когда в течение XVI–XVII и отчасти XVIII вв. эту идеологию вытеснила на второй план рыночная хозяйственная идеология адептов исследовательской парадигмы меркантилизма и базирующегося на принципах протекционистской экономической политики меркантилистского политэкономического концепта. Далее с конца XVII — начала XVIII в. вплоть до второй половины XIX столетия стала очевидной еще одна теоретико-методологическая метаморфоза, обусловившая становление и самоутверждение экономической науки в качестве обособленной отрасли научных знаний в области хозяйственной жизни. Причиной тому послужило возникновение альтернативной меркантилизму исследовательской парадигмы, названной в «Капитале» К. Маркса [9] как «классическая политическая экономия», и соответствующего ей политэкономического концепта, базирующегося на принципах доминирования либеральной экономической политики.

Меркантилизм [10] ознаменовал зачатки экономической науки, но одновременно с этим положил начало ортодоксальным сентенциям. Затем добивавшиеся преодоления ортодоксии меркантилизма адепты либеральной исследовательской парадигмы классической политической экономии, стремясь бескомпромиссно (по принципу «или-или») к позитивным научно-практическим результатам посредством неприменной абсолютизации принципов *laissez faire*, так же, как и меркантилисты, не смогли исключить «скольжения по поверхности экономических явлений», оказавшись «в плену» собственной ортодоксии.

В обобщенном виде возведенные в ранг абсолюта ортодоксальные сентенции меркантилистов и классиков стали очевидными в целом ряде ортодоксальных догматических идей, которые представлены в *табл. 1*.

Анализ данных *табл. 1* представляется целесообразным предварить умозаключением, с одной стороны, о том, что переход от натурального хозяйства к доминированию предпринимательской деятельности и товарно-денежных отношений и, как следствие, зарождение рыночной хозяйственной системы (рыночной экономики) исторически обусловил меркантилизм. Отсюда логично и понятно, почему видный историк экономической мысли современности М. Блауг счел возможным охарактеризовать адептов меркантилизма и собственно меркантилистскую исследовательскую парадигму следующим образом: «...необразованные авторы, подхваченные потоком общественного мнения, обнаружили поразительные и подчас убедительные основания для защиты от обывателя меркантилистической экономической науки и в схватке с логическими следствиями своих презумпций явили экономическую теорию во младенчестве» [11, с. 15].

Но, с другой стороны, именно меркантилисты, будучи приверженцами взаимоисключающего принципа «или-или», фактически предопределили необходимость признания их адептами первых привнесенных в экономическую науку теоретико-методологических составляющих ортодоксии. Они возвели в ранг абсолюта положение о том, что «меркантилизм, как бы настойчиво он ни возводил всеобщую коммерциализацию в ранг национальной политики, заботился о развитии рыночной системы совершенно нерыночными способами...» [12, с. 12]. Речь в данном контексте идет о таких ортодоксальных постулатах, как:

1) сведение предмета экономического анализа к преимущественному изучению пробле-

матики сферы обращения в отрыве от сферы производства;

2) отсутствие системного изучения сфер экономики из-за абсолютизации эмпиризма и «скольжения по поверхности экономических явлений»;

3) доминирование в хозяйственной жизни протекционистской экономической политики и неприятие политики экономического либерализма;

4) отождествление «богатства страны» и «личного богатства» исключительно с деньгами;

5) осмысление теоретической сущности денег в контексте их искусственного изобретения людьми и соглашения между ними;

6) теоретическое осмысление стоимости товаров через призму природных свойств денег (золотых, серебряных) и их количества в обращении;

7) видение единственного источника богатства во внешней торговле посредством перманентного регулирования (координации) государством хозяйственной жизни.

Хрестоматийные с высот современной экономической науки сентенции меркантилистской ортодоксии совершенно отчетливо проявляются, например, в сочинениях француза А. Монкретьена и англичанина Т. Мена. Ведь каждый из них, адресуя свои умозаключения монаршим особам страны, рассчитывал, говоря словами Н. Д. Кондратьева, на протекционистскую «практическую политику» с тем, чтобы правильно ответить «на вопрос, каким должно быть народное хозяйство, и как должна себя вести в отношении его государственная власть» [13, с. 292].

Так, в книге А. Монкретьена «Трактат о политической экономии» (1615) пути динамичного роста экономики и приумножения денежного национального богатства во Франции тесно увязываются с перманентной протекционистской экономической политикой вкупе с постулированием ортодоксальных идей о том, что [14, с. 168–182]:

- торговый обмен между нациями ...подобно искусству имеет нечто восхитительное ...в виде чести и прибыли;

- торговцы более чем полезны для государства;

- торговля ...зависит лишь от того условия, какой купец ею занимается: уважаемый или презренный;

- правитель государства ...измеряет все с точки зрения необходимости, полезности..., и никогда не выходя за рамки власти, данной ему законами;

- кредит — душа любой торговли, нужно поддерживать его репутацию;

Таблица 1 / Table 1

Ортодоксальные составляющие в исследовательских парадигмах меркантилизма и классической политической экономики / Orthodox components in research fundamentals of Mercantilism and Classical Economics

Меркантилистская система / Mercantilism doctrine	Классическая политическая экономия / Classical Economics
Главный принцип ортодоксии в экономической политике	
<ul style="list-style-type: none"> Абсолютизация протекционизма, могущая обусловить феномен сужения внутреннего рынка («кольбертизм»); политика свободной конкуренции объективно невозможна 	<ul style="list-style-type: none"> Абсолютизация политики экономического либерализма или полной свободы предпринимательской деятельности (laissez faire)
Ортодоксальные аспекты в предмете экономического анализа	
<ul style="list-style-type: none"> Преимущественное изучение проблематики сферы обращения в отрыве от сферы производства 	<ul style="list-style-type: none"> Преимущественное изучение проблематики сферы производства в отрыве от сферы обращения
Ортодоксальные аспекты в методе экономического анализа	
<ul style="list-style-type: none"> Абсолютизация эмпиризма; описание на каузальной основе внешнего проявления экономических процессов; отсутствие (из-за приверженности взаимоисключающего принципа «или-или») системного изучения сфер экономики 	<ul style="list-style-type: none"> Абсолютизация каузального (причинно-следственного) метода анализа и метода логической абстракции; недооценка (из-за приверженности взаимоисключающего принципа «или-или») обратного влияния на сферу производства факторов сферы производства; классовый (классово-формационный) анализ социально-экономических процессов; разделение характера труда на производительный и непроизводительный
Ортодоксальные аспекты в концепции экономического роста	
<ul style="list-style-type: none"> Посредством приумножения исключительно денежного богатства страны, благодаря достижению активного торгового баланса (положительного сальдо во внешней торговле) 	<ul style="list-style-type: none"> Посредством увеличения национального богатства, создаваемого производительным трудом в сфере материального производства
Ортодоксальный принцип достижения макроэкономического равновесия	
<ul style="list-style-type: none"> Благодаря координирующим и регулирующим мерам государства 	<ul style="list-style-type: none"> Самоуравновешивание совокупного спроса и совокупного предложения, благодаря «закону рынков Сэя»
Ортодоксальный принцип в области теории денег	
<ul style="list-style-type: none"> Деньги – искусственное изобретение людей и соглашение между ними; деньги – единственный главный фактор роста национального богатства 	<ul style="list-style-type: none"> Деньги – стихийно выделившийся в товарном мире товар, являющий собой техническое орудие и вещь, которая облегчает процесс обмена
Ортодоксальный принцип в области теории стоимости	
<ul style="list-style-type: none"> Стоимость товаров обусловлена природными свойствами денег (золотых, серебряных) и их количеством в обращении 	<ul style="list-style-type: none"> Затратная интерпретация природы происхождения стоимости (на базе затрат труда – трудовая теория, либо совокупных издержек производства – теория издержек)
Ортодоксальные позиции в области теории народонаселения	
<ul style="list-style-type: none"> Целесообразность поддержания низкого уровня заработной платы благодаря росту населения (предложения рабочей силы) 	<ul style="list-style-type: none"> Приверженность смитовской доктрине рабочего фонда, обуславливающей прожиточный минимум заработной платы («железный закон зарплаты Мальтуса») с учетом спроса и предложения на рабочую силу

Источник / Source: составлено авторами / developed by authors.

- правители должны приказать и следить за тем, чтобы ...ограничить произвол монополистов продуктов.

Т. Мен [15, с. 153–161], в отличие от А. Монкретьена, опирается на собственный многолетний опыт практической работы в Ост-Индской компании, исходя из чего в своей книге «Богатство Англии во внешней торговле...» (1664) утверждает:

- обогащение возможно посредством увеличения количества денег в стране, «увеличения вывоза» товаров, уменьшения «потребления иностранных товаров»;
- источником богатства и денег является внешняя торговля;
- ежегодный экспорт должен превышать импорт;
- продавать следует дешево, чтобы «не терять сбыта товаров».

Между тем свою личную и общественную убежденность в том, что создание и приумножение денежного богатства требует соответствующих законодательных актов, адепты меркантилизма пытались закрепить некими ортодоксальными по своей сути умозаключениями правового свойства. Об этом, в частности, отмечает в своих «Принципах экономикс» (1890) А. Маршалл, подчеркивая, что меркантилисты посредством огромного числа юридических документов «преследовали цель предопределить каждому индивидууму, что он должен производить и как он должен это делать, сколько он должен заработать и как он должен потратить свой заработок» [16, с. 186].

Что касается адептов классической политической экономии, то они (особенно А. Смит) [17] вслед за меркантилистами не избежали обуславливающий ортодоксию взаимоисключающий принцип «или-или». Но в конечном счете классики еще более расширили одиозный инструментарий ортодоксии в экономической науке, чем способствовали, во-первых, абсолютизации принципов ничем неограниченной свободы предпринимательской деятельности (или принципов *laissez faire*) в рыночной экономике и, во-вторых, постулированию всеохватного характера универсальных «объективных экономических законов». Как следствие, для классиков (а затем — ранних неоклассиков) стала априорной констатация факта безусловного обретения ортодоксией аксиоматического (догматического) статуса, проявляющегося как «экономическое учение», которое, в свою очередь, якобы обусловлено соответствующим его содержанию «экономическим законом», кото-

рый «неизменен» и не зависит от воли, сознания, желания индивида.

Основные составляющие ортодоксии классической политэкономии очевидны в нижеследующих априорных и догматических сентенциях:

- 1) сведение предмета экономического анализа к преимущественному изучению проблематики сферы производства в отрыве от сферы обращения;
- 2) отсутствие системного изучения сфер экономики ввиду абсолютизации каузального метода анализа, методов дедукции, индукции и логической абстракции;
- 3) абсолютизация концепции полной свободы предпринимательской деятельности (экономического либерализма);
- 4) деление общества (в исследовательских целях) на главные (основные) классы, заинтересованные в гармонизации взаимоотношений;
- 5) постулирование положений о «чистой» («совершенной») конкуренции, обуславливающей саморегулируемость хозяйственной жизни;
- 6) видение предназначения политэкономии в выявлении не зависящих от воли, сознания и желания «объективных экономических законов»;
- 7) осмысление теоретической сущности денег в контексте их интерпретации как технического орудия и вещи, способной облегчить процесс обмена;
- 8) приверженность затратному (тупииковому) подходу осмысления природы и механизма формирования стоимости;
- 9) разделение характера труда в рыночной экономике на производительный и непроизводительный виды;
- 10) теоретическое допущение всегда временного и автоматически преходящего характера кризисов в условиях экономики свободной конкуренции.

В отношении узости границ (рамок) предмета изучения представителями классической политической экономии и, соответственно, связанной с этим ортодоксии несистемного экономического анализа и сужения исследовательского поля экономической науки (политической экономии) с четко аргументированными критическими суждениями в числе других современных ученых высказался, в частности, Й. Шумпетер. Отобрав в этой связи четырех наиболее ярких, на его взгляд, классиков (ЖБ. Сэй, Дж. МакКуллох, Н. Сениор, Дж. С. Милль), он указывает на едва заметные отличия в их методологических позициях о границах предмета изучения политической экономии, состоящие лишь в том, что [16, т. 2, с. 700]:

- Ж. Б. Сэй «определил политическую экономию как «изложение способа, которым создаются, распределяются и потребляются богатства»»;
- Дж. МакКуллох «определил политическую экономию как «науку о законах, регулирующих производство, накопление, распределение и потребление тех предметов, которые необходимы, полезны или приятны человеку и которые в то же время обладают меновой ценностью»»;
- Н. Сениор — как «науку, рассматривающую природу, производство и распределение богатств»;
- Дж. С. Милль «довольствовался тем, что называл политическую экономию наукой “о сущности богатства, законах его производства и распределения. Прямо или косвенно сюда включается действие всех причин, обуславливающих процветание или прозябание человечества”».

Весьма критично воспринимаются известными зарубежными и отечественными исследователями современности и последующие составляющие отмеченного выше широкого спектра методологических и теоретических сентенций ортодоксии в творчестве классиков политической экономии. Это касается, к примеру, активно использовавшихся классиками (и позднее ранними неоклассиками) таких общенаучных методов анализа, как дедукция и индукция, совершенно произвольно, как по шаблону, проецировавшихся в их политико-экономических изысканиях. Данное обстоятельство побудило, в частности, П. Самуэльсона заявить так: «...бытовавшие в экономической теории преувеличенные утверждения о мощи дедукции априорного рассуждения, делавшиеся классическими авторами, ...заставляют меня дрожать за репутацию моей науки» [цит. по: 19, с. 149]. Солидарен с П. Самуэльсоном и Й. Шумпетер, заявляя о том, что автор Оснований политической экономии Дж. С. Милль [20] «сделал излишний упор на «дедукцию»», чем, в сущности, «объясняется абсурдный спор более поздних времен о предпочтительности одного из методов: индукции или дедукции» [18, т. 2, с. 704].

В следующем — заключительном — разделе статьи основные отмеченные выше составляющие ортодоксии в творчестве приверженцев меркантилизма и классической политической экономии рассматриваются в контексте их неприятия адептами последующих исторически сложившихся альтернативных исследовательских парадигм и введенных ими новаций, обусловивших векторы, этапы и проблемы продолжающегося в последние два столетия процесса формирования неортодоксальных оснований экономической науки.

2. ФОРМИРОВАНИЕ НЕОРТОДОКСАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМАХ XIX – НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЯ

Основные качественные подвижки в эволюции экономической науки и связанные с ними прорывные доказательные изыскания на пути к преодолению в ней многообразных ортодоксальных сентенций проявили себя во вновь возникших и широко известных научному экономическому сообществу исследовательских парадигмах XIX — начала XXI столетия. Это парадигмы экономического романтизма, утопического социализма и немецкой исторической школы, маржинализма (включая субъективизм и неоклассицизм) и институционализма, кейнсианства и неолиберализма, а также формирующаяся ныне синтезированная исследовательская парадигма.

В течение указанного времени сначала в постмануфактурном периоде — в первой половине и середине XIX в. — заявили о себе такие нелиберальные по своей сути альтернативные классической политической экономии исследовательские парадигмы, как экономический романтизм, утопический социализм и немецкая историческая школа. Основанные на неабсолютизации принципов *laissez faire* нововведения их представителей положили начало реальному опровержению ортодоксии своих именитых предшественников (меркантилистов и классиков), воспринимавшихся «прародителями» и «отцами» политической экономии — экономической науки.

Далее усиление во второй половине XIX в. в развитых странах тенденций монополизации хозяйственной жизни и свершение в 1870–1890-е гг. в экономической науке «маржиналистской» революции явили собой экзогенные предпосылки завершения классической политической экономии. Однако теоретико-методологические новации адептов исследовательских парадигм маржинализма (как субъективистов, так и неоклассиков), базировавшиеся все на тех же принципах *laissez faire*, оказались отнюдь не достаточными для преодоления ортодоксии, восходящей к временам доминирования воззрений меркантилистов и классиков политэкономии.

Затем состоявшийся вопреки «закону Сэя» [21] в 1929–1933 гг. мировой экономический кризис показал несамодостаточный характер в процессе преодоления ортодоксии в экономической науке не только маржиналистских нововведений, но

и обособившейся к 1920-м и 1930-м гг. исследовательской парадигмы институционализма. Но произошедшие после мирового экономического кризиса «чемберлианская» и «кейнсианская» революции обусловили принципиально новую метаморфозу в экономической науке, проявляющуюся с 30-х гг. XIX по начало XXI в. в рамках процесса формирования синтезированной исследовательской парадигмы.

Особенности этой синтезированной парадигмы, обусловленные взаимным проникновением и дополнением друг друга некогда альтернативных теоретико-методологических начал, проявляются, с одной стороны, в процессе синтеза инструментария предельного (маржиналистского) экономического анализа с вновь возникшими исследовательскими парадигмами государственного регулирования экономики, т.е. кейнсианства и неолиберализма (современный этап эволюции неоклассического направления экономической мысли). С другой стороны — синтеза аналитического инструментария современного неоклассицизма с межотраслевым, эволюционным и системным методами анализа исследовательской парадигмы институционализма (социально-институционального направления экономической мысли).

Таким образом, именно взаимопроникновение исследовательских парадигм неоклассицизма (включая кейнсианство и неолиберализм) и институционализма создает современным исследователям реальные возможности для формирования синтезированной исследовательской парадигмы, способствующей исключению скольжения по поверхности экономических явлений и тенденциозной математизации и формализации исследований, и преодолению все еще проявляющейся в экономической науке ортодоксии.

2.1. Вехи преодоления ортодоксии в экономической науке в исследовательских парадигмах первой половины — середины XIX в.

Оценочные суждения о вехах преодоления ортодоксии в экономической науке в первой половине и середине XIX в. ассоциируются с постмануфактурным периодом и исследовательскими парадигмами экономического романтизма, утопического социализма и немецкой исторической школы. Их лидеры ратуют в своем творчестве о необходимости преодоления ставших обыденными многообразных ортодоксальных сентенций адептов меркантилизма и классической политической экономии, считая недопустимым абсолютизировать ни постулаты протекционизма меркантили-

стов, ни обусловленные действием смитовской «невидимой руки», т.е. неких объективных экономических законов, основы экономического либерализма. Причем, отвергая данную концепцию А. Смита, базирующуюся на принципах полной свободы предпринимательства (*laissez faire*) и всеобщих «объективных» экономических законах, они отрицают якобы гарантируемое «невидимой рукой» («законами») функционирование экономики свободной конкуренции как саморегулирующейся системы, в которой возможны лишь случайные, временные, автоматически преходящие (в духе «закона Сэя») кризисы.

Ярким тому свидетельством является, к примеру, позиция родоначальника экономического романтизма С. Симонди, для которого, как отмечал К. Маркс, «кризисы являются не случайностью, а существенными проявлениями имманентных противоречий, разражающихся в бурной форме ...и повторяющимися через определенные периоды» [22, с. 527]. Именно преодолению ортодоксии в современной С. Симонди экономической науке, в сущности, посвящено его главное произведение, в котором, наперекор книге Д. Рикардо «Начала политической экономии» (1817) [23], к первому слову названия своей работы он добавил еще одно слово — «новые». И, издав всего спустя два года после рикардианских «Начал» свои «Новые начала политической экономии» (1819), родоначальник экономического романтизма заявил, что политическая экономия — это «наука моральная» и «в значительной мере нравственная наука» [24, с. 291, 360]. Недвусмысленно в «Новых началах» его суждение о том, что политическая экономия не может быть сведена «к простому... принципу *laissez faire*» [24, т. 1, с. 133]. Он настаивает также на том, что «рост богатства является ...лишь средством для обеспечения всеобщего счастья», а «увеличение богатства и населения есть лишь абстракция...» [24, т. 1, с. 134, 143].

К сказанному важно добавить, что, оппонировав Д. Рикардо, С. Симонди (с позиций рикардианской «теории стоимости»), весьма критично характеризует в своих «Новых началах» положение «классиков» о безусловной равновесности и эффективности хозяйственной жизни на принципах экономического либерализма. Не соглашаясь с ними, он выдвинул реформаторскую концепцию, базирующуюся на сформулированном им принципе: «Лучше направленные частные интересы сами исправят то зло, которое они же причинили обществу» [24, т. 2, с. 176]. Только нацеленные на государственное регулирование

рыночного механизма реформы, убежден лидер экономического романтизма, способны гарантировать благодаря перманентному вмешательству в хозяйственную жизнь государства доминирование в ней малого бизнеса, обеспечить социальную направленность бескризисно развивающейся экономики и решить тесно связанные с этим социально-экономические проблемы преодоления абсолютизируемых классиками принципов экономического либерализма.

На основании изложенного вполне понятными и уместными представляются высказанные на рубеже XIX–XX столетий позитивные оценки Ш. Жида и Ш. Риста в адрес направленных на преодоление ортодоксии новаторских, в том числе реформаторских идей «сверху» их соотечественника С. Сисмонди. В частности, для последнего, утверждают они, «...весь интерес политической экономии с точки зрения теоретической сводится к объяснению кризисов, а с точки зрения практической — к отысканию мер предупреждения их и улучшения положения рабочих» [29, с. 145]. Нет у них сомнения и в том, что автор «Новых начал», «не склоняясь к социализму... сильно расшатывает либерализм», доказывая «ложность положения... о естественном совпадении частного и общественного интересов» [25, с. 154].

Неприятию ортодоксии в постмануфактурной политэкономии в творчестве С. Сисмонди отдают должное в числе современных экономистов М. Блауг, П. Самуэльсон и другие исследователи. Так, по мнению П. Самуэльсона, «каждая эпоха порождает людей, мечтавших о более совершенном мире, о мире, в котором альтруизм заступил место эгоизма, а равенство или совместное владение собственностью заступили бы место неравенства». В их числе среди ныне «известных имен XIX века», пишет он, таковым является С. Сисмонди, который «был убежден в том, что капитализм будет периодически страдать от недопотребления и недостаточной покупательной способности» [26, т. 2, с. 342].

М. Блауг, как и П. Самуэльсон, неоспоримые заслуги С. Сисмонди видит в осмыслении в его «Новых началах» феномена недостаточного совокупного спроса в условиях экономики свободной конкуренции. По этой причине, согласно Сисмонди, «новая индустриальная система обречена на неизбежные повторяющиеся кризисы и хроническую тенденцию недопотребления», преодоление которой возможно исключительно посредством «глубокого государственного вмешательства» с тем, чтобы обеспечить [27, с. 274–275]:

- гарантированную минимальную плату для работающих и безработных;
- ограничение минимального рабочего времени;
- ограничение максимального/минимального трудоспособного возраста;
- введение системы участия в прибылях.

Полагая так, М. Блауг признает, что из числа двух широко известных именитых пострикардианцев в лице С. Сисмонди и Т. Мальтуса «главным оппонентом Pax Ricardia» (пострикардианства) [11, с. 162], с его точки зрения, является С. Сисмонди. Причина тому, по Блаугу, заключается в том, что «...на самом деле, дух кейнсианства в работе Сисмонди значительно сильнее, чем в работе Мальтуса» [27, с. 275].

Позиция неприятия ортодоксии постмануфактурного периода довольно близка с С. Сисмонди еще у одного видного представителя экономического романтизма — П. Ж. Прудона [28]. Правда, в отличие от С. Сисмонди, П. Ж. Прудон ратовал за незамедлительные реформы ради бескризисного экономического развития, социальной справедливости в обществе и придания ведущей роли в хозяйственной жизни мелких собственников, мелкого товарного производства — малого бизнеса — не «сверху» (с участием государства), а «снизу» — по инициативе самих трудящихся.

В самом известном своем сочинении «Философия нищеты» (1846) П. Ж. Прудон, претендуя на первый опыт реализации диалектического аналитического подхода к осмыслению хозяйственной жизни вне контекста сентенций ортодоксии своих предшественников, категорически отверг суждения о революционном преобразовании социально-экономических условий в обществе, что послужило решающей причиной разрыва их дружеских отношений с К. Марксом. В частности, накануне издания этой книги П. Ж. Прудон писал, что не приемлет «революционное действие как средство социальной реформы, ибо это мнимое средство было бы призывом к насилию, к произволу, словом, было бы противоречием. Таким образом, — подытожил он, — я ставлю себе следующую проблему: с помощью экономической комбинации ввести в общество те богатства, которые вышли из общества с помощью другой экономической комбинации» [цит. по: 25, с. 511].

Кстати, Ш. Жид и Ш. Рист, отдавая должное соотечественнику П. Ж. Прудону, к числу его творческих достоинств отнесли стремление привить человечеству «глубокое чувство безусловной необходимости для индустриальных обществ индивидуальной свободы как двигателя экономической

деятельности». Руководствуясь именно этим чувством, подчеркивают они, автор «Философии нищеты» считал возможным настаивать на том, что «всякая глубокая реформа должна опираться на эту свободу», которая, в свою очередь, базируется «на глубоком чувстве экономической реальности». И именно правомерность этих чувств, по их мнению, свидетельствует о том, что «ныне социальная проблема ставится в тех же рамках, в каких поставил ее П. Прудон: реализовать справедливость в свободе» [25, с. 245].

Ортодоксальные стереотипы и мифы в экономической науке постмануфактурного периода по-особенному восприняли в своих сочинениях наряду с экономистами-романтиками и адепты исследовательской парадигмы утопического социализма: от триады ученых Оуэн — Сен-Симон — Фурье до их многочисленных последователей. В духе приверженцев экономического романтизма они стремились опровергнуть сложившиеся в указанном периоде стереотипы массового сознания и широко распространившихся исследовательских и аналитических подходов. Но в их творчестве очевидны своеобразные социально ориентированные реформаторские идеи, гарантирующие преодоление ортодоксии в современной им экономической науке и «отказ от понимания единства рыночных механизмов и государственного регулирования» [29, с. 7]. Поэтому отнюдь не случайно, что лидеры утопического социализма Р. Оуэн, К. Сен-Симон и Ш. Фурье отнесены Р. Хайлбронером к числу явивших себя «философов от мира сего» и «реформаторов девятнадцатого столетия, которых мы зовем “социалистами-утопистами”» [30, с. 137], а М. Блауг относит их к числу «100 великих экономистов до Кейнса» [27].

К примеру, Р. Оуэн [31], будучи в начале XIX в. совладельцем текстильной фабрики, почти на полвека опередил фабричное законодательство, сократив на своем предприятии рабочее время взрослым рабочим с 17 до 10 часов, запретив труд детей младше 10 лет и отменив штрафы рабочим [25, с. 69].

К. Сен-Симон [32], по Блаугу, полагал, что «термин “утопист-реформатор” мог бы лучше его охарактеризовать» [27, с. 269]. Он исходил из того, что этот социалист-утопист ратовал за то, чтобы правительство являлось не политической, а экономической единицей, ориентировалось на «закон, устанавливающий собственность и регулирующий пользование ею».

Что касается Ш. Фурье, то он увязывает реформы с необходимостью формирования «социетар-

ного порядка» и «социетарного режима» в фаланстерах — социально-экономических структурах будущего. Им высказано убеждение, что благодаря его реформам «женщины очень скоро вернут себе роль, которую им предназначила природа, роль соперниц, а не подданных мужского пола» [33, т. III, с. 307].

Заявивших о себе в середине XIX в. Б. Гильдебранда [34] и других родоначальников немецкой исторической школы отличали, с одной стороны, ориентированность на реформаторские постулаты именитого предшественника Ф. Листа [35]. С другой стороны, они исходили из положений необходимости формирования рыночной хозяйственной системы с присущими ей фабрично-заводскими и фермерскими структурами с учетом национально-исторических особенностей страны и допущением в рамках целесообразных реформ протекционистских мер. Вот, очевидно, почему, характеризуя их новации, американский историк экономической мысли Б. Селигмен отметил, что «представители немецкой исторической школы подняли бунт против казавшейся им жесткой классической доктрины». Проявилось же это в том, что они поняли «возросшее сознание роли, которую играет человеческий фактор» и выразили откровенное сомнение «в том, достаточна ли простая имитация физики для разработки практически полезной общественной науки» [36, с. 20, 23].

Поставленное Б. Селигменом в заслугу немецким исследователям середины XIX столетия положение о неприятии «простой имитации физики» обнаруживает себя и в оценочных суждениях Н. Д. Кондратьева, который понимал нетождественный характер экономических и природных законов (включая физические), неизменно проявляющихся под воздействием заранее известных компонентов и элементов. Поэтому, по Кондратьеву, основоположники немецкой исторической школы заслуживают уважения тем, что «опираются на факт многообразия и динамичности исторической жизни и отсюда отрицают возможность абстрактных законов политической экономии вообще и законов экономического развития в частности». Более того, поясняет российский ученый, они исходят из умозаключения об «относительности законов хозяйственной жизни» с тем, чтобы «дать конкретные эмпирические законы развития хозяйства» [13, с. 97].

Наконец, адепты немецкой исторической школы, руководствуясь принципами неклассово-формационного историзма, учета влияния на хозяйственную жизнь традиций, обычаев, религии

и других неэкономических факторов, в исследовательских целях стали руководствоваться необходимостью издавать фундаментальные историко-экономические монографические сочинения, результаты которых способствовали дальнейшему разномыслию и научным дискуссиям, посвященным актуальной и ныне проблематике преодоления ортодоксии в экономической науке.

2.2. Вехи преодоления ортодоксии в экономической науке в исследовательских парадигмах конца XIX — начала XX столетия

Свершение в конце XIX в. «маржиналистской революции», обусловившей смену исследовательской парадигмы классической политической экономии субъективистской и неоклассической парадигмами и затем возникновение в первой трети XX в. в противовес раннему неоклассицизму исследовательской парадигмы институционализма, стали важнейшими вехами начавшегося в постмануфактурном периоде процесса опровержения многообразных теоретико-методологических составляющих ортодоксии в экономической науке. В этой связи обращают на себя особое внимание новации, возникшие в указанном периоде в результате альтернативных друг другу изысканий субъективистов, неоклассиков и институционалистов в области теорий обмена и стоимости.

Новация, связанная с преодолением ортодоксальной концепции классиков о якобы всегда пропорциональном (эквивалентном) характере обмена и противопоставлении ей положения о взаимовыгодности обмена, введена в научный оборот сначала (в конце XIX в.) в теории обмена К. Менгера — адепта субъективистской исследовательской парадигмы и главы австрийской школы маржинализма. Затем (в начале XX в.) внес свою лепту в преодоление ортодоксии в теории обмена и Дж. Коммонс — адепт исследовательской парадигмы институционализма. При этом и К. Менгер, и Дж. Коммонс единодушны в том, что обмена эквивалентных по стоимости благ не существует и что эгоистичным по своей природе индивидом получение нужных благ даром невозможно, ибо количества обмениваемых благ не пропорциональны по отношению друг к другу и не являются «эквивалентами».

На эту новацию в области теории обмена в числе современных исследователей обратил внимание, в частности, Б. Селигмен, отметив, что, согласно Менгеру, «купля и продажа не означают просто эквивалентный обмен, как это предполагалось трудовой теорией стоимости; именно потому,

что не существует такой эквивалентности, может иметь место обмен» [36, с. 163].

Заметим далее, что К. Менгер в своих «Основаниях» третью главу посвятил учению о ценности (стоимости), а четвертую — учению об обмене. И, как очевидно из предложенной им таблицы (табл. 2) [37, с. 91], оба эти учения взаимосвязаны и дополняют друг друга, что позволяет осмыслить принцип убывающей предельной полезности благ в процессе их потребления и убедиться в том, что процесс обмена экономических благ всегда неэквивалентен.

В то же время Дж. Коммонс в развитие менгеровских идей о всегда неэквивалентном, но взаимовыгодном характере обмена товаров к маржиналистским умозаключениям на данный счет добавил еще и поведенческую составляющую осмысления механизма формирования стоимости, ценообразования и обмена благ, тесно связанную с его концепцией правовых взаимоотношений между коллективными институтами. Как следствие, у Дж. Коммонса, в духе К. Менгера, в процессе оценки будущих благ следует принимать во внимание экономическое поведение обменивающихся сторон с учетом фактора времени и возможность влияния будущего в настоящем, поскольку стоимости сделок могут исчезать при неоправданных ожиданиях, отражающих положение дел во всей экономике [38, с. 429].

Существенный вклад в преодоление ортодоксии внесли авторы вновь возникших на рубеже XIX–XX вв. (во многом благодаря неприятию и критическому осмыслению затратных теорий стоимости) многообразных версий маржиналистских и поведенческих версий интерпретации теории стоимости, концептуальные основания которых приведены в табл. 3.

В числе такого рода новаторов К. Менгер и другие первооткрыватели субъективистской маржиналистской теории стоимости в 1870-е гг. обозначили в качестве ее основания концепцию присущей экономическим благам предельной полезности. Тем самым они подчеркивали важность субъективистского (психологического) подхода к осмыслению феномена стоимости и умозаключения о том, что «предельная» полезность формируется в сфере потребления (спроса), проявляясь в денежном выражении стоимости (рыночных ценах) лишь в сознании человека. Отсюда если для классиков «причина» формирования стоимости товаров (ценообразования) усматривается в издержках (затратах) в сфере производства, то у субъективистов — в уровне формирующейся

Арифметическая таблица К. Менгера, характеризующая взаимосвязь процессов формирования стоимости и обмена / C. Menger's arithmetic table characterizing the relationship between the processes of value formation and the exchange

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
9	8	7	6	5	4	3	2	1	0
8	7	6	5	4	3	2	1	0	
7	6	5	4	3	2	1	0		
6	5	4	3	2	1	0			
5	4	3	2	1	0				
4	3	2	1	0					
3	2	1	0						
2	1	0							
1	0								
0									

Источник / Source: Menger C. The Fundamentals of Political Economy [37, с. 91].

Примечание / Note: римскими цифрами обозначены различные виды благ; арабскими цифрами – количество актов потребления небольшого количества каждого из них.

в сфере спроса предельной полезности, ибо вне сознания индивида она в принципе существовать не может.

Но А. Маршалл в «Принципах экономикс» (1890) и затем его единомышленники ввели в научный оборот двухкритериальную маржиналистскую теорию стоимости, сделав достоянием экономической науки умозаключение о том, что формирование стоимости (рыночное ценообразование) базируется на двух началах – предельной полезности и предельных издержках. Образное маршаллианское в этой связи суждение о двух лезвиях ножниц сведено к следующему положению: «Когда одно лезвие неподвижно и резание осуществляется за счет второго, мы с беззаботной краткостью можем сказать, что режет второе лезвие, но такой вывод нужно защищать осторожно, ибо случай не из тех, когда можно ограничиться формальным заключением» [16, т. III, с. 282, 283]. Данной новацией А. Маршалл, по мнению В. С. Автономова, «предпринял попытку синтезировать основные достижения классической школы, маржиналистов и исторической школы, стал основоположником неоклассического направления в экономической теории» [39, с. 98, 99].

Далее вслед за неоклассиками весьма успешные попытки обосновать синтезированные осно-

вания механизма формирования стоимости в ее поведенческих версиях весьма успешно предприняли в первой трети XX в. адепты исследовательской парадигмы институционализма. Так, Т. Веблен считал необходимым учитывать одновременное влияние на процесс формирования стоимости, как экономических предпосылок, так и привычек, инстинктов, склонностей и других психологических факторов, обуславливающих особенности поведения индивида. По его убеждению, классики и неоклассики интерпретацию теорию стоимости, в сущности, сводили к тому, чтобы «свести предназначение экономической науки к оценке благ без оценщика», полагая, что им удалось «выявить нормальную стоимость и нормальное состояние равновесия из нормальных уравнений спроса и предложения» [40, с. 175]. Дж. Коммонс в этой же связи роль поведенческих факторов в процессе рыночного ценообразования видел в том, чтобы под их воздействием и в первую очередь благодаря многообразным правовым мерам влиять на поведение коллективных институтов общества ради достижения «разумной» стоимости; вот почему вне правовых сделок между людьми, отражающими их отношение к экономическому благу, подлежащему в рамках правовых норм передаче (отчуждению) вплоть до смены титула собствен-

Таблица 3 / Table 3

Концептуальные основания маржиналистских и поведенческих теорий стоимости / Marginal and Behavioral Value Theories Conceptual Foundations

Концепции, на которых базируются маржиналистские теории стоимости / Marginal Value Theories Fundamentals	Концепции, на которых базируются поведенческие теории стоимости / Behavioral Value Theories Fundamentals
<ul style="list-style-type: none"> • Концепция предельной полезности; • концепция предельной полезности и предельных издержек производства; • концепции предельной полезности и трудовой стоимости 	<ul style="list-style-type: none"> • Концепция поведения потребителя; • концепция рынка несовершенной конкуренции; • концепция поведения коллективных институтов

Источник / Source: составлено авторами на основе: Ядгаров Я.С. История экономических учений. 5-е изд. М.: ИНФРА-М; 2020:452 / Developed by authors based on: Yadgarov Ya. Epy History of Economic Thought. Moscow: INFRA-M; 2020:452.

ности на это благо, научно обоснованная трактовка стоимости невозможна [38, с. 390]. А согласно У.К. Митчелу, политическая экономия может быть признана «полнокровной наукой» лишь тогда, когда теория стоимости А. Маршалла не будет более «признаваться единственно верной и исчерпывающей» [41, с. 371].

2.3. Вехи преодоления ортодоксии в экономической науке в исследовательских парадигмах 30-х гг. XX — начала XXI в.

Многообразные составляющие в преодолении ортодоксии в экономической науке в период с 1930-х гг. по настоящее время, можно, как отмечалось выше, увязать с периодом взаимопроникновения теоретико-методологических оснований широко известных ныне современному научному экономическому сообществу исследовательских парадигм неоклассицизма (включая парадигмы кейнсианства и неолиберализма) и институционализма, обуславливающего формирование целостной — синтезированной исследовательской парадигмы.

В данном контексте обращает на себя внимание всемирно известная книга П. Самуэльсона «Экономикс». В ней, начиная с пятого издания (1961), перманентно упоминается концептуальное понятие «неоклассический синтез», рекомендуемое «для обозначения более широкого круга идей — синтеза тех истин, которые были установлены классической политической экономией, и положений, доказанных современными теориями формирования доходов» [26, т. II, с. 211]. С учетом данной самуэльсоновской позиции к вехам преодоления ортодоксии в экономической науке ниже кратко рассмотрены достижения адептов исследовательских парадигм кейнсианства и нео-

либерализма в части таких новаций, как обоснование синтезированной теоретической сущности стоимости, неприятие концепций производительного и непроизводительного труда, а также неприятие классового экономического анализа, абсолютизации математического анализа и «экономических законов».

Кейнсианская исследовательская парадигма как одна из составляющих современного неортодоксального неоклассицизма ассоциируется с «кейнсианской революцией», ставшей научно-практическим подспорьем начатого в январе 1933 г. «нового курса» Ф. Рузвельта, позволившего преодолеть основные тяготы и разрушительные последствия мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Ключевая новация Дж.М. Кейнса, согласно оценочным суждениям М. Блауга, состоит в следующем: «Если в теории Кейнса и содержится что-либо поистине новое, так это именно продуманная критика этой веры во внутренние восстановительные силы рыночного механизма. Прочитав Кейнса, можно отрицать каждый отдельный элемент его аргументации, можно подвергать сомнению даже логическую состоятельность всей кейнсианской схемы, но невозможно сохранить веру в способность свободной рыночной экономики автоматически поддерживать полную занятость... В любом случае кейнсианская революция ознаменовала подлинный конец «доктрины laissez faire»» [19, с. 607]. Одновременно данный историк экономической мысли убежден в том, что «...только Кейнс предложил эффективное и реалистичное средство против Великой депрессии» [27, с. 122].

Без сомнения, новаторский «основной психологический закон», сформулированный Дж.М. Кейнсом наперекор приверженцам «объективным экономическим законам» классикам и не-

оклассикам, сведен им к следующему постулату: «Психология общества такова, что с ростом совокупного реального дохода увеличивается и совокупное потребление, однако не в такой же мере, в какой растет доход» [42, с. 155]. Тем самым, по Кейнсу, обоснованность государственного регулирования хозяйственной жизни предопределена, скорее, «психологией общества», чем «законами экономики» и психологически обусловленным (в процессе преодоления склонности людей видеть свои сбережения в ликвидной форме) эффектом мультипликатора инвестиций. По-видимому, данная кейнсианская сентенция позволила М. Блаугу изложить одно из красноречивых своих высказываний: «Капиталисты, учил нас Кейнс, могут вытащить себя из затруднительного положения с помощью шнурков от собственных ботинок, а именно — через мультипликатор. Решающим моментом при этом является побуждение инвестировать» [11, с. 235].

В рамках неортодоксального неоклассицизма неолиберальную исследовательскую парадигму с возникшей также в 1930-е гг. кейнсианской сближает идея достижения условий для доминирования свободной конкуренции не вопреки вмешательству государства в процессы хозяйственной жизни, а благодаря его вмешательству. При этом если кейнсианцы ратуют за меры активного вмешательства государства в экономику, то неолибералы — за относительно пассивные меры государственного регулирования. Точнее сказать, первые отдают предпочтение непосредственному инвестированию государством в различные сферы и отрасли экономики и осуществлению правительством заказов и закупок, а также ужесточению налоговой политики, невзирая на возможный дефицит государственного бюджета и инфляцию. А вторые — предпочитают доминирование принципов свободного ценообразования, частной собственности, отводя государству роль «спортивного судьи» либо «ночного сторожа» в рамках некогда заявленного одним из их лидеров Л. Эрхардом принципа «конкуренция везде, где возможно, регулирование — там, где необходимо». Причем их идейный предшественник А. Мюллер-Армак, введя в 1947 г. в научный оборот «концепцию социального рыночного хозяйства», выразил уверенность в том, что «принципиальные различия» альтернативных моделей несаморегулирующейся экономики станут для нас гораздо более очевидными. Он убежден, кроме того, в том, что «если мы обратимся к рыночному ядру социального ры-

ночного хозяйства, перед нами встанут принципиальные различия...» [43, с. 249].

Взаимопроникновение (синтез) исследовательских парадигм кейнсианства, неолиберализма и институционализма отчетливо проявляет себя в числе прочего в концепции «неоклассического синтеза» П. Самуэльсона, интерпретируемого в контексте синтеза маржиналистских и поведенческих теорий стоимости, о которых (теориях) упоминалось выше в разделе 2.2 данной обзорной статьи. Здесь важно отметить то, что маржиналистские и поведенческие исследовательские начала позволяют современным ученым отобразить стоимость любого товара в контексте взаимного проникновения экономических и социальных факторов (предпосылок), включая человеческий фактор. Кроме того, осмысление феномена стоимости как синтезированной характеристики позволяет принять во внимание психологические склонности индивида, расширяющиеся масштабы практики рыночного ценообразования и оценки будущих благ посредством переговорных начал.

Синтезированный исследовательский подход на базе синтеза парадигм современного (в творчестве кейнсианцев и неолибералов) неоклассицизма и институционализма стал благодатной почвой для окончательного опровержения ортодоксии, обусловленной со времен классической политической экономии классовой интерпретацией теории производительного и непроизводительного труда по принципу: создает либо не создает конкретный вид труда осязаемый материальный объект (продукт). Очевидно, по этой причине, говоря словами М. Блауга, «разграничение производительного и непроизводительного труда, введенное Смитом, — это, пожалуй, одна из самых пагубных концепций в истории экономической мысли» [11, с. 48]. Но ныне, как небезосновательно отмечает Л. Роббинс, «современная теория настолько отделилась от точки зрения Адама Смита и физиократов, что не признает производительным даже труд, создающий материальные объекты, если последние не имеют ценности». И теперь, заключает он, ясно, что «труд оперного певца или балетного танцовщика составляют часть богатства и экономическая наука исследует образование цен на них точно так же, как, например, на услуги повара» [44, с. 14].

Между тем на протяжении XX — начала XXI в. в экономической науке по-прежнему явно либо неявно очевидны ортодоксальные исследовательские штампы «подытоживания» новаторских достижений то в контексте абсолютизации мате-

матического анализа, то посредством классового анализа, привязывая вытекающие из них априорные умозаключения еще к неким «объективным экономическим законам». Причем приверженцы такого рода архаичного инструментария ортодоксии убеждены в том, что их аргументация безупречна и доказательна и не может быть ни пересмотрена, ни трансформирована, ни переосмыслена. Думается, им адресует свое предостережение В.В. Леонтьев, отмечая, что создаваемые экономистами-теоретиками «десятки математических моделей» продолжают «приспосабливать алгебраические функции различных видов и форм» посредством прежних наборов статистических данных, «будучи не в состоянии заметно продвигаться в систематическом понимании структуры и принципов функционирования реальной экономической системы» [45, с. 25]. Не менее убедительно и предостережение академика Л.И. Абалкина в связи с одиозным классовым анализом, на котором базируется теория производительного и непроизводительного труда, заявляя так: «Примитивный классовый подход (широко распространенный до сих пор!) принципиально неверен. Он заранее определяет тех, кто ошибается, по критериям, выходящим за пределы науки» [46, с. 4].

Наконец, что касается явной и неявной абсолютизации «экономических законов» на пути к формированию неортодоксальных оснований экономической науки, представляется целесообразным ограничиться весьма впечатляющим предостережением и одновременно напутствием П. Самуэльсона о необходимости современному научному экономическому сообществу осознать «...как коварны бывают экономические “законы” в экономической жизни», включая такие, как: «закон Парето о неизменном неравенстве доходов; закон Денисона о постоянстве нормы сбережения в частном секторе; закон Колина Кларка о 25%-ном пределе доли государственных расходов и налогообложения; закон Модильяни о постоянстве отношения богатства к доходу; закон Маркса о падении ставки реальной заработной платы и/или падении нормы прибыли; неизвестно кому принадлежащий закон о постоянстве отношения объема капитала к выпуску». Ведь «если все это законы, — убежден он, — то Мать-природа — природная преступница» [цит. по: 19, с. 227].

ВЫВОДЫ

Итоги выполненного исследования позволяют сформулировать следующие результирующие выводы.

1. Согласно предложенному в данной обзорной статье авторскому определению суть термина «ортодоксия» в экономической науке заключается в априорных аксиоматических суждениях о заведомо «правильном» мнении, «правильной» системе взглядов и неопровергаемых догматических убеждениях. Как следствие, содержание постулируемых и введенных авторитетной личностью в оборот экономических концепций и теорий надлежит воспринимать как данность и даже как «объективный экономический закон», имеющий для всех исследователей обязательный и безальтернативный для понимания и использования характер.

2. Содержательные аспекты авторского видения векторов, этапов и проблем формирования неортодоксальных оснований экономической науки очевидны из осмысления предыстории и истории возникновения и всемерного распространения в данной отрасли знаний ортодоксальных сентенций о декларируемых «объективных экономических законах» через призму «классового анализа». Это обстоятельство, в сущности, предопределяет те причины, в силу которых многие поколения ученых-экономистов вплоть до наших дней не приемлют целесообразность доминирования в ней межотраслевого, эволюционного и системного методов анализа, абсолютизируют эмпирический либо каузальный аналитический инструментарий, что не позволяет им избежать априорных, как например, у Дж.С. Милля легковесных заявлений. Ведь в миллевских «Основаниях» (1848 г.!) увязываемая с постулатами «экономического закона стоимости» и «классовой структуры общества» затратная (а потому тупиковая) теория стоимости классиков политической экономии якобы самодостаточна и завершена и не требует ее переосмысления ни современным, ни будущим поколениями исследователей.

3. Адепты исследовательской парадигмы меркантилизма и классической политической экономии, ознаменовав зачатки экономической науки, одновременно с этим положили начало одиозным теоретико-методологическим ортодоксальным основам в ней, демонстрируя свою приверженность, на первый взгляд, к бескомпромиссным (по принципу «или-или») устремлениям к позитивным научно-практическим результатам. Но меркантилисты, абсолютизируя исследовательские принципы эмпиризма, так и не исключили в своих умозаключениях «скольжение по поверхности экономических явлений». А классики (и позднее ранние неоклассики), будучи привержены исклю-

чительно принципам *laissez faire*, оказались «в плену» априорных универсальных «объективных экономических законов», которые надо принимать и безоговорочно следовать им, потому что они (законы), якобы, идентичны природным и, стало быть, не зависят от воли, сознания и желания индивида.

4. Формирование неортодоксальных составляющих в новациях исследовательских парадигм XIX — начала XXI столетия ассоциируется с экономическим романтизмом, утопическим социализмом, немецкой исторической школой (XIX в.), субъективистским и неоклассическим направлениями экономической мысли (конец XIX — начало XX в.), институционализмом, кейнсианством, неолиберализмом и с формирующейся ныне синтезированной исследовательской парадигмой (с начала XX в. по настоящее время). Адептами названных парадигм (за исключением маржиналистов конца XIX столетия) отрицаются ортодоксальные стереотипы и мифы многочисленных приверженцев концепции «невидимой руки» (т.е. «объективных законов») о функционировании экономики как саморегулирующейся системы, в рамках которой (благодаря «закону Сэя») возможны только

случайные, временные и по этой причине автоматически преходящие кризисы.

5. Преодолению ортодоксии прародителей и отцов экономической науки после произошедших на рубеже XIX–XX вв. маржиналистской, кейнсианской и чемберлианской революций в этой отрасли знаний способствуют, во-первых, научно обоснованное опровержение ортодоксального концептуального положения классиков о неизменно пропорциональном и эквивалентном обмене посредством противопоставления этому положению целостного системного учения о принципе взаимовыгодности обмена. И, во-вторых, введение в научный оборот самуэльсоновского учения о синтезе теоретико-методологических исследовательских парадигм кейнсианства, неолиберализма и институционализма, что в числе прочего проявляется в концепциях взаимопроникновения кейнсианских и неолиберальных моделей государственного регулирования экономики, синтеза маржиналистских и поведенческих исследовательских начал в области теории стоимости с учетом одновременного влияния экономических и социальных факторов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–110–50557. Финансовый университет, Москва, Россия.

ACKNOWLEDGEMENTS

The reported study was funded by RFBR, in the framework of a scientific project No. 20–110–50557. Financial University, Moscow, Russia.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Сорокин Д. Е. и др. Как придать импульс развитию российской экономики: приоритеты действий (предложения к основным направлениям деятельности Правительства РФ до 2024 г.). *Финансы: теория и практика*. 2018;22(S 7):4–15. DOI: 10.26794/2587–5671–2018–0–0–4–15
2. Сорокин Д. Е. Экономическая теория, экономическая реальность и экономическая политика. *Журнал экономической теории*. 2014;(4):25–39.
3. Абалкин Л. И. Россия: Поиск самоопределения: Очерки. М.: Наука; 2002. 424 с.
4. Ядгаров Я. С. От ортодоксии классово-формационных терминов к терминам «рыночной системы»: российский аспект. *Materiály X mezinárodní vědecko-praktická konference “Moderní vymoženosti vědy — 2014”. Díl 8. Ekonomické vědy*. Praha: Publishing House “Education and Science” s.r.o; 2014:3–5.
5. Ядгаров Я. С. Экономический рост в контексте «законов» рыночной системы — ортодоксальная составляющая теоретической экономики в прошлом и настоящем. Экономический рост и конкурентоспособность России: тенденции, проблемы и стратегические перспективы. *Мат. междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 24–25 апреля 2012 г.). М.: Финансовый университет; 2012:281–285.
6. Ядгаров Я. С. Милтон Фридмен — неортодоксальный теоретик и методолог экономической науки. *Бюллетень Міжнародного Нобелівського економічного форуму*. 2012;1(1):491–495. URL: <https://econforum.duan.edu.ua/images/PDF/2012/1/52.pdf>
7. Ядгаров Я. С. Ортодоксальные основания доктрины рабочего фонда классической политической экономики. Новая модель хозяйствования и адекватность ее отражения в современной экономической науке. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина; 2013:171–172.

8. Ядгаров Я.С. Преодоление ортодоксии в экономической науке XX столетия в контексте нововведений институционализма и неоклассицизма. *Историко-экономические исследования*. 2014;15(3):439–463.
9. Маркс К. Капитал (в 3-х т.). Пер. с нем. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат; 1961. 545 с.
10. Плотников И.С., ред. Меркантилизм. М.: Соцэкгиз; 1938. 340 с.
11. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. М.: Дело Лтд; 1994. 720 с.
12. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги. Пер. с англ. *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1993(2):10–17.
13. Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: Экономика; 1993. 542 с.
14. Монкретьен А. Трактат о политической экономии. Пер. с франц. *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков (в 5 т.)*. Т. 1: От зари цивилизации до капитализма. М.: Мысль; 2004:168–182.
15. Мен Т. Богатство Англии во внешней торговле. Пер. с англ. *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков (в 5 т.)*. Т. 1: От зари цивилизации до капитализма. М.: Мысль; 2004:153–161.
16. Маршалл А. Принципы экономической науки (в 3-х т.). Т. 1. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1993. 416 с.
17. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Пер. с англ. М.: Соцэкгиз; 1962. 684 с.
18. Шумпетер Й.А. История экономического анализа (в 3-х т.). Т. 1. Пер. с англ. СПб.: Экономическая школа; 2001. 496 с.
19. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. М.: Вопросы экономики; 2004. 416 с.
20. Милль Дж.С. Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии. Пер. с англ. Киев-Харьков: Южно-Русское Книгоиздательство Ф.А. Иогансона; 1896. 1099 с.
21. Сэй Ж.Б. Трактат политической экономии. Пер. с франц. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова; 1896. 400 с.
22. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Пер. с нем. М.: Политиздат; 1964. 674 с.
23. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Пер. с англ. Столяров И.А., ред. *Антология экономической классики (в 2-х т.)*. Т. 1. М.: Эконом; 1993:397–473.
24. Де Сисмонди С. Новые начала политической экономии или О богатстве в отношении к народонаселению (в 2-х т.). Т. 1. Пер. с франц. М.: Соцэкгиз; 1937. 388 с.
25. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. Пер. с англ. М.: Экономика; 1995. 544 с.
26. Самуэльсон П. Экономика (в 2-х т.). Т. 2. Пер. с англ. М.: Алгон; 1992. 415 с.
27. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. Пер. с англ. СПб.: Экономическая школа; 2005. 352 с.
28. Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Пер. с франц. М.: Республика; 1998. 367 с.
29. Абалкин Л.И. От экономической теории до концепции долгосрочной стратегии. *Вопросы экономики*. 2010;(6):4–9. DOI: 10.32609/0042–8736–2010–6–4–9
30. Хайлбронер Р.Л. Философы от мира сего. Великие экономические мыслители: их жизнь, эпоха и идеи. Пер. с англ. М.: Астрель, Corpus; 2011. 432 с.
31. Оуэн Р. Избранные сочинения (в 2-х т.). Пер. с англ. М.-Л.: Изд-во АН СССР; 1950. 768 с.
32. Сен-Симон К. Избранные сочинения (в 2-х т.). Т. 1. Пер. с франц. М.-Л.: Изд-во АН СССР; 1948. 468 с.
33. Фурье Ш. Избранные сочинения (в 4-х т.). Т. 4. Пер. с франц. М.-Л.: Изд-во АН СССР; 1954. 587 с.
34. Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. Пер. с нем. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко; 1860. 280 с.
35. Лист Ф. Национальная система политической экономии. Пер. с нем. СПб.: Изд. А.Э. Мартенс; 1891. 452 с.
36. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1968. 600 с.
37. Менгер К. Основания политической экономии. Пер. с нем. Одесса: А. Хакаловский; 1903. 496 с.
38. Commons J.R. *Institutional economics*. New York: The Macmillan Company; 1934. 921 p.
39. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа; 1998. 230 с.
40. Veblen T. *The place of science in modern civilization*. New York: B.W. Huebsch; 1919. 509 p.
41. Mitchel W.C. *The backward art of spending money*. New York: McGraw-Hill Book Co.; 1937. 312 с.
42. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с англ. Столяров И.А., ред. *Антология экономической классики (в 2-х т.)*. Т. 2. М.: Эконом; 1993:137–424.
43. Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. СПб.: Экономическая школа; 1999. 368 с.

44. Роббинс Л. Предмет экономической науки. Пер. с англ. *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1993;(1):10–23.
45. Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. Пер. с англ. М.: Политиздат; 1990. 415 с.
46. Абалкин Л.И. Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М.: РЭА им. Г.В. Плеханова; 2008. 224 с.

REFERENCES

1. Ivanter V.V., Porfiriyev B.N., Sorokin D.E. et al. How to boost the development of the Russian economy: Priority actions (suggestions for the main activities of the state until 2024). *Finance: Theory and Practice*. 2018;22(S 7):4–15. DOI: 10.26794/2587–5671–2018–0–0–4–15
2. Sorokin D.E. Economic theory, economic reality and economic policy. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Russian Journal of the Economic Theory*. 2014;(4):25–39. (In Russ.).
3. Abalkin L.I. Russia: Search for self-determination: Essays. Moscow: Nauka; 2002. 424 p. (In Russ.).
4. Yadgarov Ya. From the orthodoxy of class-formational terms to the terms of the “market system”: the Russian aspect. In: *Materiály X mezinárodní vědecko-praktická konference “Moderní vymoženosti vědy – 2014”*. Díl 8. Ekonomické vědy. Praha: Publishing House “Education and Science” s.r.o.; 2014:3–5. (In Russ.).
5. Yadgarov Ya. Economic growth in the context of the “laws” of the market system – an orthodox component of the theoretical economy in the past and present. In: *Russia’s economic growth and competitiveness: Trends, problems and strategic perspectives*. Proc. Int. sci.-pract. conf. (Moscow, April 24–25, 2012). Moscow: Financial University. 2012:281–285. (In Russ.).
6. Yadgarov Ya. Milton Friedman — unorthodox theorist and methodologist of economic science. *Byuleten’ Mizhnarodnogo Nobelivs’kogo ekonomichnogo forumu = Bulletin of the International Nobel Economic Forum*. 2012;1(1):491–495. URL: <https://econforum.duan.edu.ua/images/PDF/2012/1/52.pdf> (In Russ.).
7. Yadgarov Ya. Orthodox foundations of the doctrine of the working fund of classical political economy. In: *A new model of management and the adequacy of its reflection in modern economics*. Tambov: Derzhavin Tambov State University Publ.; 2013:171–172. (In Russ.).
8. Yadgarov Ya. The overcoming of XX century economic science’ orthodoxy through the prism of institutionalistic and neoclassical innovations. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*. 2014;15(3):439–463. (In Russ.).
9. Marx K. Capital (in 3 vols.). Transl. from German. In: Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Moscow: Gospolizdat; 1961. 545 p. (In Russ.).
10. Plotnikov I.S., ed. Mercantilism. Moscow: Sotsekgiz; 1938. 340 p. (In Russ.).
11. Blaug M. Economic theory in retrospect. Cambridge: Cambridge University Press; 1978. 750 p. (Russ. ed.: Blaug M. Ekonomicheskaya mysl’ v retrospektive. Moscow: Delo Ltd; 1994. 720 p.).
12. Polanyi K. The self-regulating market and the fictitious commodities: Labor, land and money. In: Polanyi K. *The great transformation*. New York: Farrar & Rinehart, Inc.; 1944:68–76. (Russ. ed.: Polanyi K. Samoreguliruyushchiysya rynek i fiktivnye tovary: trud, zemlya i den’gi. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial’nykh institutov i sistem = THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*. 1993(2):10–17.).
13. Kondratyev N.D. Selected works. Moscow: Ekonomika; 1993. 542 с. (In Russ.).
14. Montchrestien A. *Traité d’économie politique: dédié en 1615 au Roy et à la Reyne mère du Roy*. Rouen: Jean Osmont; 1615. (Russ. ed.: Montchrestien A. Traktat o politicheskoi ekonomii. In: *Mirovaya ekonomicheskaya mysl’. Skvoz’ prizmu vekov (in 5 vols.)*. Vol. 1: Ot zari tsivilizatsii do kapitalizma. Moscow: Mysl’; 2004:168–182.).
15. Mun T. *England’s treasure by forraign trade, or, The ballance of our forraign trade is the rule of our treasure, written by Thomas Mun; and now published for the common good by his son John Mun*. London: Printed by J.G. for Thomas Clark, 1664. 148 p. (Russ. ed.: Mun T. Bogatstvo Anglii vo vneshnei trgovle. In: *Mirovaya ekonomicheskaya mysl’. Skvoz’ prizmu vekov (in 5 vols.)*. Vol. 1: Ot zari tsivilizatsii do kapitalizma. Moscow: Mysl’; 2004:153–161.).
16. Marshall A. Principles of economics. London: Macmillan and Co.; 1920. 627 p. (Russ. ed.: Marshall A. Printsipy ekonomicheskoi nauki (in 3 vols.). Vol. 1. Moscow: Progress; 1993. 416 p.).
17. Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. London: Methuen & Co., Ltd.; 1904. 1152 p. (Russ. ed.: Smith A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Moscow: Sotsekgiz; 1962. 684 p.).

18. Schumpeter J.A. History of economic analysis. Oxford: Oxford University Press; 1996. 1320 p. (Russ. ed.: Schumpeter J.A. Istoriya ekonomicheskogo analiza (in 3 vols.). Vol. 1. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola; 2001. 496 p.).
19. Blaug M. The methodology of economics, or how economists explain. Cambridge: Cambridge University Press; 1992. 316 p. (Russ. ed.: Blaug M. Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili Kak ekonomisty ob"yasnyayut. Moscow: Voprosy ekonomiki; 2004. 416 p.).
20. Mill J.S. Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. London: John W. Parker; 1848. 645 p. (Russ. ed.: Mill J. Osnovaniya politicheskoi ekonomii s nekotorymi primenenyami k obshchestvennoi filosofii. Kiev-Kharkov: F.A. Ioganson South Russian Book Publishing; 1896. 1099 p.).
21. Say J.-B. Traité d'économie politique ou Simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses. Paris: Chez Antoine-Augustin Renouard, 1803. 393 p. (Russ. ed.: Say J.B. Traktat politicheskoi ekonomii. Moscow: K.T. Soldatenkov Publ.; 1896. 400 p.).
22. Marx K. Surplus value theories. Transl. from German. Moscow: Politizdat; 1964. 674 p. (In Russ.).
23. Ricardo D. On the principles of political economy and taxation. London: John Murrey; 1817. (Russ. ed.: Ricardo D. Nachala politicheskoi ekonomii i nalogovogo oblozheniya. In: Stolyarov I.A., ed. Antologiya ekonomicheskoi klassiki (in 2 vols.). Vol. 1. Moscow: Ekonom; 1993:397–473.).
24. De Sismondi S.J.-Ch.L. Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Paris: Delaunay Libraire; 1819. 554 p. (Russ. ed.: De Sismondi S. Novye nachala politicheskoi ekonomii ili O bogatstve v ego otnoshenii k narodonaseleniyu (in 2 vols.). Vol. 1. Moscow: Sotsekgiz, 1937. 388 p.).
25. Gide Ch., Rist Ch. A history of economic doctrines from the time of the physiocrats to the present day. Boston: D.C. Heath & Co.; 1952. 672 p. (Russ. ed.: Gide Ch., Rist Ch. Istoriya ekonomicheskikh uchenii. Moscow: Ekonomika; 1995. 344 p.).
26. Samuelson P.A. Economics: An introductory analysis. New York: McGraw-Hill Book Co.; 1948. 861 p. (Russ. ed.: Samuelson P. Ekonomika (in 2 vols.). Vol. 2. Moscow: Algon; 1992. 415 p.).
27. Blaug M. Great economists before Keynes: An introduction to the lives and works of one hundred great economists of the past. Cambridge: Cambridge University Press; 1989. 304 p. (Russ. ed.: Blaug M. 100 velikikh ekonomistov do Keinsa. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola; 2005. 352 p.).
28. Proudhon P.-J. Qu'est ce que la propriété? Paris: Librairie internationale Éditeur; 1867. 256 p. (Russ. ed.: Proudhon P.-J. Chto takoe sobstvennost'? ili Issledovanie o printsipe prava i vlasti. Moscow: Respublika; 1998. 367 p.).
29. Abalkin L.I. From economic theory to the concept of long-term strategy. *Voprosy ekonomiki*. 2010;(6):4–9. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042–8736–2010–6–4–9
30. Heilbroner R.L. The worldly philosophers: The lives, times and ideas of the great economic thinkers. New York.: Touchstone Publishing; 1999. 368 p. (Russ. ed.: Heilbroner R. Filosofiy ot mira sego. Velikie ekonomicheskie mysliteli: ikh zhizn', epokha i idei. Moscow: Astrel, Corpus; 2011. 432 p.).
31. Owen R. Selected works (2 vols. set). Transl. from Eng. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ.; 1950. 768 p. (In Russ.).
32. Saint-Simon H. Selected works (in 2 vols.). Vol. 1. Transl. from French. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ.; 1948. 468 p. (In Russ.).
33. Fourier Ch. Selected works (in 4 vols.). Vol. 4. Transl. from French. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ.; 1954. 587 p. (In Russ.).
34. Hildebrand B. Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Frankfurt am Main: Rütten; 1848. 329 p. (Russ. ed.: Hildebrand B. Politicheskaya ekonomiya nastoyashchego i budushchego. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co. Print.; 1860. 280 p.).
35. List F. Das nationale System der politischen Ökonomie. Stuttgart-Tübingen: Cotta Verlag, 1841. 352 p. (Russ. ed.: List F. Natsional'naya sistema politicheskoi ekonomii. St. Petersburg: A.E. Martens Publ., 1891. 452 p.).
36. Seligman B.B. Main currents in modern economics: Economic thought since 1870. New York: The Free Press of Glencoe; 1963. 887 p. (Russ. ed.: Seligman B. Osnovnye techeniya sovremennoi ekonomicheskoi mysli. Moscow: Progress; 1968. 600 p.).
37. Menger K. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien: Wilhelm Braumüller Verlag; 1871. (Russ. ed.: Menger K. Osnovaniya politicheskoi ekonomii. Odessa: A. Khakalovskii Publ., 1903. 496 p.).
38. Commons J.R. Institutional economics. New York: The Macmillan Company; 1934. 921 p.

39. Avtonomov V. Human model in economics. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola; 1998. 230 p. (In Russ.).
40. Veblen T. The place of science in modern civilization. New York: B.W. Huebsch; 1919. 509 p.
41. Mitchel W.C. The backward art of spending money. New York: McGraw-Hill Book Co.; 1937. 312 c.
42. Keynes J.M. The general theory of employment, interest and money. London: Macmillan; 1936. 383 p. (Russ. ed.: Keynes J.M. Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. In: Stolyarov I.A., ed. Antologiya ekonomicheskoi klassiki (in 2 vols.). Vol. 2. Moscow: Ekonom; 1993:137–424.).
43. Social market economy. Theory and ethics of economic order in Russia and Germany. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola; 1999. 368 p. (In Russ.).
44. Robbins L. The subject-matter of economics. In: An essay on the nature and significance of economic science. New York: New York University Press; 1932:1–22. (Russ. ed.: Robbins L. Predmet ekonomicheskoi nauki. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i system = THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*. 1993(1):10–23.).
45. Leontief W. Essays in economics: Theories, theorizing, facts and policies. New Brunswick, NJ: Transaction Books; 1985. 411 p. (Russ. ed.: Leontief W. Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniya, fakty i politika. Moscow: Politizdat; 1990. 415 p.).
46. Abalkin L. Essays on the history of Russian socio-economic thought. Moscow: Plekhanov Russian Academy of Economics; 2008. 224 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Яков Семенович Ядгаров — доктор экономических наук, профессор, профессор департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия

Yakov S. Yadgarov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Economics (professor), Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7038-0630>

Автор для корреспонденции / Corresponding author

YYadgarov@fa.ru

Динара Рустемовна Орлова — доктор экономических наук, доцент, профессор департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия

Dinara R. Orlova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Economics (professor), Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2901-070X>

DROrlova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила в редакцию 08.08.2021; после рецензирования 22.07.2021; принята к публикации 17.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 08.07.2021; revised on 22.07.2021 and accepted for publication on 17.05.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.